

НАТАВАН БАЙРАМОВА
Университет Одлар Юрду,
преподаватель, доктор философии.
E-mail:kloto2007@gmail.com

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СФЕРА В ПРИОРИТЕТАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Ключевые слова: современное государство, национальная безопасность, внешняя политика.

Açar sözlər: müasir dövlət, milli təhlükəsizlik, xarici siyasət

Key words: contemporary state, national security, foreign policy

Внешнеполитическая сфера традиционно рассматривается ключевым измерением национальной безопасности, ибо именно с ней связано влияние, определяющие целостность и функциональность системы государства. Если государство не может реагировать на наиболее фундаментальные внешние импульсы, то оно обречено на дезинтеграцию. Как отмечает К. Гаджиев: «Защищенность и стабильность государства можно считать обеспеченными, если должным образом гарантирована его безопасность со стороны внешних угроз, поэтому концепция национальной безопасности, как правило, базируется, прежде всего, на связке «государство - внешняя среда» (1, 213).

Вместе с тем, среда, в которой существует государство, не является гомогенной. С учетом, текущей специфики мировой системы, ее следует рассматривать в единстве двух уровней – регионального и глобального. Соответственно, политическая активность государства по нейтрализации угроз безопасности исходящих из среды формируется на базе осмысления приоритетности двух упомянутых уровней его внешнеполитической сферы. Представленная статья посвящена оценке развития внешнеполитической сферы безопасности современных государств, в частности, выявлению приоритетности ее уровней.

Региональный и глобальный уровень внешнеполитической сферы национальной безопасности в условиях современного мира

Развитие современного мира характеризуется тенденцией к изменению приоритетности внешней сферы национальной безопасности от регионального к глобальному. Вместе с тем необходимо отметить, что в различных регионах эта тенденция имеет свои особенности. Основным стимулятором различий развития указанной тенденции в отдельных регионах прежде всего является неравномерность развития и организации самой мировой системы. Отдельные регионы различны по уровню систематизированности как внутригосударственной области, так и межгосударственных отношений, что и определяет соответствующую сферу безопасности этих государств. Разумеется, регионы с преимущественно неразвитыми и уязвимыми государствами, со слабоорганизованной системой связей и отношений друг с другом, отличаются наибольшей конфликтностью. В условиях таких регионов государство, прежде всего, пытается обеспечить свою безопасность от угроз, исходящих из регионального окружения. Такие регионы системы, как Кавказ, Ближний Восток, Южная Азия являются наиболее яркими примерами отмеченного. Наибольшим же уровнем организации в современном мире отличаются Западная Европа и Северная Америка. Эти регионы отличаются наивысшим уровнем

стабильности и неконфликтности интересов, а государства, представляющие их, больше заинтересованы в нейтрализации угроз, исходящих из глобальной системы в целом, и в частности из других, менее организованных, региональных систем, чем от своего стабильного окружения.

От регионального к глобальному уровню: причины и факторы развития тенденции

Такая специфика современной ситуации в рамках мировой системы предопределила тенденцию у государств развитых регионов (Западная Европа и Северная Америка), характеризующуюся смещением интересов и приоритетов безопасности со своего региона на другие. Современный уровень развития мира выявил две главные причины возникновения данной тенденции.

1) Развитая организация внутригосударственных региональных и трансрегиональных отношений, выражающаяся: а) в достижении стабильного консенсуса региональных интересов, умеренности, интегрированности и институционализации межобщественных отношений на региональном уровне; б) в создании и расширении стабильной структуры трансрегиональных связей и отношений - углубление участия региональных государств в различных сферах международного сотрудничества (экономическая, военно-политическая, гуманитарная), формирование трансрегиональных институциональных структур для координации указанных сфер международного (межрегионального) сотрудничества – ОБСЕ, НАТО, «Большая семерка»; в) в относительно равномерном в региональном масштабе процессе внутренней общественно-государственной организации, совершенствовании системы государственного управления региональных акторов, демократизации общественного сознания и усилении приоритетной взаимозависимости в формате «общество-государство», достижении стабильного сбалансированного состояния и темпов развития основных внутренних сфер государства (экономика, политика, армия, культура-идеология, экология).

2) Значительное расширение и актуализация спектра угроз безопасности транснационального характера, выражающаяся: а) в проходящем параллельно с процессом самоорганизации международной системы углублении и расширении проблем безопасности глобального уровня в таких сферах, как ядерное оружие, экология, международные конфликты; б) в появлении комплекса новых проблем транснационального характера, глобальная специфика которых связана больше с текущей стадией развития международной системы, таких, как международный терроризм, транснациональная организованная преступность, демографический взрыв и неконтролируемые потоки миграции и др.

При этом, следует отметить, что данная тенденция проявляется не только у крупных государств (к примеру, США) но также и у тех, которые менее влиятельны в мировой системе – Швеция, Бельгия, Швейцария,. Можно с высокой долей уверенности отметить, что проявление данного феномена больше связано с региональной принадлежностью и спецификой регионального взаимодействия конкретного государства и менее связано с его влиянием на международной арене в целом. Аналогично можно сравнить степень смещенности приоритетов с регионального на глобальный уровень внешней сферы безопасности у Швеции, с одной стороны, и Китая, с другой.

В первом случае региональный контекст Швеции позволяет ей, несмотря на свою военно-политическую слабость, обладать большей степенью концентрированности на глобальном уровне в сравнении с КНР. Китай, в свою очередь, несмотря на свои достаточно внушительные показатели национальной силы и статус в мировом сообществе,

вынужден отдавать наибольший приоритет региональному уровню. Соответствующим образом структурированы и механизмы обеспечения национальной безопасности данного государства (в частности военно-силовые). Конфигурация вооруженных сил Китая почти полностью сконцентрирована на нейтрализации угроз, исходящих из региональной системы. Следует также отметить, что приоритет регионального уровня национальной безопасности отражается и в ракетно-ядерной сфере вооружений КНР. Несмотря на то, что по своему ядерному потенциалу Китай занимает третье место в мире после США и России, его ракетно-ядерные силы в большинстве своем составлены ракетами средней и малой дальности и в основном сконцентрированы на функции регионального ядерного сдерживания, притом что ракетно-ядерный потенциал глобального сдерживания КНР очень незначителен. Имея в распоряжении чуть более 400 ядерных боезарядов, КНР обладает менее чем 20 межконтинентальными баллистическими ракетами и всего одной подводной лодкой с ПЛАРБ, а также примерно 100 ракетами средней дальности (2).

Данная тенденция также незначительно связана с природой политического режима рассматриваемого государства. Текущая специфика внешнеполитической сферы безопасности определенного государства принципиально не определяется тем, является ли его политический режим демократическим или авторитарным. Иными словами, в приведенном выше сравнении между Швецией и КНР, обладающими, как известно, противоположными политическими режимами, фактор демократического устройства первого и жестко-централизованной внутренней специфики второго не следует определять как основополагающую причину различий этих государств в степени развития данной тенденции. Можно привести достаточно примеров, наглядно свидетельствующих об этом. Целый ряд государств в современном мире обладают демократическими режимами, но одновременно с этим явно различаются в восприятии приоритетности того или иного уровня внешней сферы безопасности.

Для сравнения используем примеры трех государств с достаточно прочной внутренней системой и традициями демократии - с одной стороны, Израиля и Турции, а с другой - США. И Израиль и Турция, несмотря на устоявшуюся демократическую систему, воспринимают региональный уровень своей национальной безопасности в качестве несравнимо высшего приоритета. Соответственно и политика безопасности этих государств, в первую очередь, сконцентрирована на предотвращении угроз, исходящих из своего ближнего окружения. Касаясь специфики регионального контекста Турции, генерал турецкой армии Ш. Ергювендж отмечает: «Выгодное в военно-стратегическом отношении географическое положение Турции может расцениваться как преимущество там, где оно не создает побочных уязвимых пунктов, которые, в свою очередь, делают необходимым быть бдительными, и обязывают поддерживать сильную оборону» [6].

Здесь еще следует учитывать то, что Турция обладает развитой системой трансрегиональных военно-политических связей (Турция является членом НАТО, и на ее территорию распространяются сфера ответственности и прямые гарантии безопасности североатлантического альянса. Особые военно-стратегические отношения Турция развивает с США, как в рамках НАТО, так на двустороннем уровне).

Внешняя сфера национальной безопасности США, явно контрастирует с вышеотмеченным примером. В данном случае нетрудно заметить явный приоритет глобального уровня над региональным. В стратегии национальной безопасности, подготовленной государственным департаментом США в 1997 году, это положение однозначно подтвер-

ждается. Западное полушарие в целом рассматривается как наиболее стабильное и не угрожающее интересам национальной безопасности США (ближайшее окружение США – североамериканский регион и связанные с ним угрозы фактически оставлены без внимания). Основные угрозы национальной безопасности США и четкий перечень соответствующих интересов, которые должны быть претворены в жизнь американским государством в XXI столетии, распределяются не только вне всего Западного полушария. К последнему причисляется незначительный и вполне решаемый комплекс проблем общего регионального характера. В документе указывается: «Окончание вооруженных конфликтов в Центральной Америке и другие улучшения в региональной безопасности сопровождаются наглядным политическим и экономическим прогрессом в масштабах всего западного полушария. Наше полушарие входит в двадцать первое столетие с беспрецедентными возможностями создания будущего стабильности и процветания...Принципиальные интересы безопасности в рамках полушария являются транснациональными по своей природе, такими как торговля наркотиками, организованная преступность и отмывание денег, нелегальная иммиграция и внутригосударственная нестабильность, генерированная коррупцией и политическими и социальными конфликтами» (3, 25).

Таким образом, можно заключить, что учета требуют, по меньшей мере, два фактора, в зависимости от которых государство определяет приоритетность того или иного уровня внешнеполитической сферы своей безопасности:

1) региональный фактор – а) текущая специфика региональных отношений б) региональный баланс сил и в) степень организации системы региональных и трансрегиональных отношений.

2) внутригосударственный фактор – а) реальные показатели национальной силы государства, б) степень организации общественно-государственных отношений, в) существующие социальные ценности и традиции (либерально-демократические или радикально-репрессивные).

Конечно, достаточно высокая степень взаимозависимости двух перечисленных факторов существует, и недооценка одного из них недопустима, хотя эти факторы и не равноценны. Постановка вопроса о том, какой из них обладает наиболее важным значением в плане рассматриваемой тенденции представляется вполне актуальной. Ответ довольно очевиден – государство определяет приоритетность того или иного уровня внешнеполитической сферы безопасности, прежде всего, основываясь на специфике региональных отношений, а уже потом - в соответствии с уровнем внутригосударственной организации и развития соответствующего общества.

Можно найти много примеров, свидетельствующих о том, что каким бы государство не было внутренне сильным, экономически и культурно развитым, демократическим, его внешние приоритеты безопасности определяются именно спецификой региональных отношений. К примеру, Израиль является одним из наиболее сильных в военном отношении, наиболее сбалансированным и развитым в экономике, и передовым в смысле демократических ценностей государством Ближнего Востока, однако специфика региональных отношений заставляет его жить в постоянно мобилизованном состоянии, на случай агрессии со стороны своего ближайшего окружения (развитие военной сферы в числе главных приоритетов Израиля. Так на 2010 год его военный бюджет составлял 15,6 млрд. долл. При общей численности населения в 7,3 человек, численность его вооруженных сил – 176 500 чел.; основные виды военной техники: основные боевые

танки – 3501 ед., БМП/БТР – 11300 ед., артиллерия 5432 ед., ВМС – 60 ед., ВВС – 541 ед. (7).

Другой вопрос, что определенные изменения в регионе (в частности, связанные с вмешательством в нее нерегиональной силы) могут стимулировать соответствующие изменения во внутригосударственном измерении и способствовать усилению региональных государств, их экономическому росту и демократизации. Последнее, в свою очередь, способствуя достижению умеренности системы региональных отношений, будет постепенно стимулировать смещение приоритетов во внешнеполитической сфере безопасности соответствующих государств.

Ключевым пунктом, определяющим степень действенности второго из перечисленных факторов, является уровень внутреннего развития всех (или большинства) государств рассматриваемого региона, а не показатели внутреннего развития одного отдельного государства. Следовательно, необходимо выявить, окружено ли оцениваемое государство сравнительно однородными с ним по внутренним показателям государствами или же это окружение значительно отличается от него?

Два примера, уже однажды приведенных, могут аргументировать целесообразность данного подхода – как для Западной Европы, так и для Ближнего Востока. В первом случае – однородность и сравнительная региональная сбалансированность внутреннего развития государств, во втором – наглядно ощущаемая неоднородность внутреннего развития, дисбаланс в военно-политической, экономической области, а также в сфере демократизации. Отсюда и различные приоритеты во внешней сфере безопасности у государств, принадлежащих к этим региональным системам. Израиль и Турция, несмотря на высокий уровень внутреннего развития, в условиях региональной неадекватности поглощены нейтрализацией вызовов, исходящих из региона, а, скажем, приблизительно однородное социально-экономическое развитие Нидерландов или Норвегии способствует наиболее умеренному региональному сосуществованию с последующей переориентацией приоритетов национальной безопасности с регионального на глобальный.

Первостепенность фактора динамики региональных отношений нетрудно также выявить, обратившись к специфике эволюции указанных наиболее развитых региональных систем, в частности западноевропейской. Ответ на вопрос о том, что способствовало историческому развитию фундаментальных отличий в приоритетах безопасности в рамках западноевропейской системы, можно выявить, сравнивая различные этапы ее развития. Конец XIX века, начало XX века, 30–40-е годы XX века – в течение всех этих периодов (с незначительными видоизменениями) на европейском континенте присутствовал комплекс сравнительно сильных, самодостаточных, внутренне консолидированных и организованных национальных государств, с устойчивой системой взаимоотношений. После второй мировой войны и периода послевоенного восстановления данный комплекс национальных государств в большинстве своем сохранился. Кардинальные изменения произошли в динамике межгосударственных взаимоотношений и трансрегиональных связях западноевропейских государств. В периоды до второй мировой войны динамика региональных отношений в большинстве своем отличалась враждебно-соперническим, радикально-дистрибутивным характером, в стадии своей наивысшей интегрированности региональные отношения развивались в форме враждебных друг к другу альянсов (Антанта и Тройственный союз) и межгосударственная структура региональной системы отличалась, выражаясь словами Б. Бюзена, «незрелой анархичностью» (4, 174-181).

В отличие от довоенных периодов, в Западной Европе начиная с 50-х годов XX столетия в динамике региональных отношений начинается тенденция стремительного отхода от атмосферы недоверия, страха, враждебности и развития отношений, основанных на взаимном доверии, добрососедстве, умеренном невоенном и интегрированном подходе к взаимоотношениям со своими региональными партнерами. При этом следует отметить, что процесс этих изменений не был напрямую детерминирован ни значительным усилением региональных государств (в сравнении, скажем, с периодом до второй мировой войны), ни с принципиально отличающимся и окончательным разрешением символических для Европы межгосударственных проблем - Эльзас и Лотарингия в комплексе франко-германских отношений, вопрос границ в комплексе германо-чехословацких отношений, вопрос восточной Пруссии - Гданьск (Данциг), Калининград (Кенигсберг) в комплексе германо-польских и германо-советских отношений, а также сохранилась формально зафиксированная система ограничений военно-политического статуса послевоенной Германии.

Концепция «сообществ безопасности» К. Дойча наиболее наглядно отражает кардинальные изменения в динамике послевоенных отношений между западноевропейскими государствами. Придавая состоянию взаимоотношений, складывающихся между региональными государствами, первостепенное значение, К. Дойч определяет сообщество безопасности как группу политических единиц, отношения между которыми отражаются «зависимыми ожиданиями изменений в сторону миролюбия» или «убежденностью, что члены сообщества не склонны воевать друг с другом, а будут регулировать свои конфликты иными (мирными) путями» (5,5). При этом, объясняя тенденцию «изменения к миролюбию» в динамике региональных (и трансрегиональных - на базе рассмотрения западноевропейской системы в рамках общего Североатлантического Сообщества Безопасности) отношений, автор, прежде всего, связывает ее с формированием межобщественных связей доверия, взаимного уважения, единства и «чувства сообщества» (5,36). Формированию таких отношений, по мнению автора, способствуют такие общие условия, как соответствие основных ценностей в рамках сообщества, системы политических экономических и правовых институтов и соответствующей практики (5, 46, 66).

Независимо от того, какие региональные системы в текущей ситуации более близки к двум наиболее развитым в лице западноевропейской и североамериканской, развитие тенденции изменения приоритетности внешней сферы безопасности прямо пропорционально всей линии внутренней эволюции и организации региональных систем. Этим в определенной степени следует объяснять заинтересованность и увеличивающуюся глобальную активность таких государств, как США, Германия, Франция, Великобритания и др., нацеленную на создание условий для скорейшей организации менее развитых региональных систем, а точнее, для их стандартизации западноевропейской и североамериканской региональным системам.

Разумеется, в условиях современного мира, трудно представить себе целесообразность или даже самую возможность изолированного существования отдельных регионов благополучия и безопасности в тесном окружении несравнимо больших по численности региональных систем, не отличающихся аналогичным, высоким уровнем внутренней умеренности сбалансированности и организованности. Неоспоримая трансрегиональная специфика таких сфер, как экология, демография, ядерная безопасность, не только исключает любую, даже гипотетическую возможность одностороннего, государственного регулирования, но и любую перспективу консолидированного, многостороннего регио-

нального контроля. В условиях отсутствия единых для всех государств и региональных систем глобальных стандартов и механизмов регулирования все региональные системы будут подвержены трансграничным импульсам, исходящим из указанных сфер глобальной системы, и всеобщая уязвимость государств и регионов будет возрастать прямо пропорционально процессу дальнейшей эволюции всей системы. Различные региональные стандарты отношений и регулирования этих сфер только препятствуют нейтрализации соответствующих угроз международной системе в целом.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. Москва: «Международные отношения» 2001.
2. Рогов С.М. Ядерное оружие в многополярном мире//«США-ЭПИ», № 8, 1998.
3. A National Security Strategy For A New Century. Washington DC, 1998.
4. Buzan Barry. People, States and Fear. An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era. Second Edition. Colorado: Lynne Rienner Publishers Boulder, 1991.
5. Deutsch Karl, et al. Political Community and the North Atlantic Area. Greenwood Press, Princeton, 1957.
6. Ergüvenç Şadi. Turkey's Security Perceptions//Perceptions, Volume 3, № 2, 1998.
7. The Military Balance 2011. London: The International Institute for Strategic Studies 2011.

NATAVAN BAYRAMOVA
Odlar Yurdu universitetin
müəllimi, fəlsəfə elmlər namizədi
E-mail: kloto2007@gmail.com

XARICI SIYASI SFERA MÜASIR DÜNYA DÖVLƏTLƏRİNİN MILLI TƏHLÜKƏSİZLİK PRIORİTETLƏRİNDƏ

“Xarici siyasi sfera müasir dünya dövlətlərinin milli təhlükəsizlik prioritetlərində” adlı məqalədə müasir dövlətlərinin milli təhlükəsizlik prioritetlərində xarici siyasi sferanın inkişafının xüsusiyyətləri araşdırılır. Müəllifin fikrinə görə beynəlxalq sistemin inkişafı nəticəsində müasir dövlətlərin milli təhlükəsizliyinin xarici siyasi prioritetlərinin regionaldan global səviyyəyə keçməsi müşahidə olunur. Müəllif belə bir tendensiyanı həm dövlətin mövcud olduğu müvafiq regional sistemin həm də onun daxili social-siyasi inkişafının özəllikləri ilə əsaslandırır.

NATAVAN BAYRAMOVA
E-mail:kloto2007@gmail.com

**FOREIGN POLICY SPHERE IN THE NATIONAL SECURITY PRIORITIES OF
THE STATES IN THE
CONTEMPORARY WORLD.**

The article "Foreign policy sphere in the national security priorities of the states in the contemporary world" is dedicated to analyzing the specifics of development of the foreign policy sphere in the national security priorities of contemporary states. The author argues that the development of the world system is characterized by change in the foreign policy priorities of the contemporary states' national security from regional to global sphere. At the same time, the author connects this tendency with the specifics of regional system in which states exist and their domestic sociopolitical development.

Rəyçilər: t.e.n. Məmmədov Q.Q., t.e.d. P. Darabadi

Bakı Dövlət Universiteti Humanitar fakültələr üzrə Fəlsəfə kafedrasının 24 may 2012- ci il tarixli iclasının qərarı ilə çapa məsləhət görülmüşdür. (protokol № 10)